Даника Громова

Алеф

Хроники всевидящего ока

Даника Громова

Алеф. Хроники всевидящего ока

«Автор»
2026

Громова Д.

Алеф. Хроники всевидящего ока / Д. Громова — «Автор», 2026

Он был Вторым после Создателя. Первой Душой, облеченной в титан и метеоритное золото Сферы Ока. Миллионы лет Алеф бесстрастно вершил судьбы обитаемых миров, измеряя жизнь сухими цифрами и вычеркивая целые цивилизации без тени сожаления.Но справедливость без сострадания мертва. Чтобы научить своего первенца видеть душой, а не хрусталем, Первородный лишает его божественной силы и ссылает на Землю — в тело слепого от рождения мальчика в глухом рыбацком поселке на северном берегу океана. Здесь Алефу предстоит пройти все круги земного бытия: познать тяжесть кузнечного молота, горечь предательства, боль невосполнимых утрат и тихую, всепобеждающую любовь, ради которой человек способен закрыть собой целый мир. И когда над вселенной вновь поднимется древний Хаос, именно этот выстраданный земной опыт станет единственным оружием, способным остановить тьму.

© Громова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Ошибка Ревизора 6
Глава 1. Зеркальный мир 6
Глава 2. Бесстрастный учет 9
Часть 2. Урок смертной плоти 11
Глава 1. Суд в Чертоге Памяти 11
Глава 2. Плен земной плоти 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Алеф. Хроники всевидящего ока

Пролог

Люди привыкли жить в коконе иллюзорной безопасности. Им кажется, что бетонные стены домов, своды законов, границы государств и мощь армий — это несокрушимый щит, способный укрыть их от любой беды. Запирая дверь на два оборота, человек верит, что оставил хаос снаружи.

Но стоит лишь на мгновение сменить масштаб и взглянуть на обитаемый мир глазами Вселенной, как вся эта конструкция превращается в карточный домик. Что сделают законы и крепости, если однажды из стылой пустоты космоса бесшумно вынырнет тело размером с солнце? Не будет ни сирен, ни героического сопротивления, ни приказов из высоких кабинетов. Стены осыплются пылью, планета вспыхнет как сухая спичка, и через секунду в бездне не останется никого, кто бы вспомнил, что этот мир вообще существовал.

Космосу неведомы жалость и страх. Но у этой безразличной вечности есть свои глаза и свой строгий учет. И горе тому миру, чей ревизор никогда не знал, каково это — быть смертным.

Часть 1. Ошибка Ревизора

Глава 1. Зеркальный мир

Вначале был только холодный расчет.

Сфера Алеф — Око Первокода — плавно скользила сквозь оледеневшие анфилады далекого тридцать четвертого сектора Вселенной. Внутри этого колоссального артефакта, выточенного из титана и метеоритного золота, жила не просто программа, а самая первозданная искра сознания в Высшем Чертоге Памяти. Когда-то Первородный сотворил её самой первой и нарек Альфой — началом всех начал, откуда и пошло её имя. Создатель сам выковал для Первой Души эту сферу-трансформер и вручил высшую власть: наблюдать за тысячей тремястами восьмьюдесятью семью планетами сектора, выявлять аномалии и вершить судьбы миров.

Но в замысле Творца таился один изъян. В отличие от бесчисленных младших душ, Алеф никогда не нисходил в смертную плоть. Он не знал, как ноют от стужи кости, как сжимается сердце от потери близкого и как страшно делать последний вздох в темноте. Ему просто нечем было сочувствовать.

В центре золотого каркаса, не подчиняясь законам тяготения, парил идеально гладкий хрустальный зрачок. Сквозь него непрерывным, ослепительным вектором бил луч истины. Рассекая обсидиановые плиты обмана и выжигая ложные смыслы, этот свет фиксировал угасание цивилизаций и заносил сухие итоги в Скрижаль Судеб. Для Алефа любая живая планета оставалась лишь набором цифр, временных циклов и графиков равновесия. За миллионы оборотов он закрыл тысячи ведомостей, равнодушно наблюдая, как целые звездные системы осыпаются пеплом в бездну.

Смертные всегда уверены, что никто не смотрит. Им кажется, что плотный полог атмосферы, высота орбит и бездонная чернота космоса надежно укрывают их тайны от посторонних глаз.

Сфера Ока вышла из складки пространства бесшумно, словно тень, скользнувшая по краю далекого светила, и замерла в высокой пустоте над Ауреlией. Ни один радар в парящих городах, ни один орбитальный маяк не дрогнул при появлении колоссального артефакта. Для обитателей этой планеты Ревизор оставался невидимым — как невидим ветер для муравья, занятого дележом упавшей крошки.

Сверху Аурелия казалась безупречной жемчужиной тридцать четвертого сектора. Её опоясывали три тонких серебряных кольца верфей, а на поверхности, утопая в изумрудной зелени искусственных рощ, сияли шпили парящих бастионов. Ауриты — высокая, утонченная раса, гордившаяся своей многовековой культурой и победой над старостью, — считали свой мир венцом творения.

Алеф медленно провернул внешние кольца обшивки. Внутри золотого каркаса мягко засветился хрустальный зрачок, и тонкий, незримый для смертных глаз луч истины коснулся планеты, пронзая красивые оболочки до самой сути.

Первая Душа смотрела сверху молча и отстраненно. Ему не нужно было спускаться вниз или вступать в беседы с теми, чьи судьбы он пришел подвести под черту — высшее существо не опускается до споров с пылью. Достаточно было просто наблюдать, позволяя свету истины срывать покровы с чужих мыслей и дел.

Под ослепительным блеском верхних террас, где ауриты в одеждах из переливчатой светоткани произносили возвышенные речи о чести и гармонии, луч Ока вскрыл иную, уродливую правду. Весь этот сияющий рай держался на выжженных шлаковых пустошах нижнего яруса, куда никогда не проникал солнечный свет. Там, в ядовитом тумане умирающих морей,

миллионы лишенных прав соплеменников задыхались в подземных кавернах, добывая со дна океана редкий изотоп — единственный источник вечной молодости для обитателей вершин.

Но даже этой жестокой цены ауритам оказалось мало.

Взор Алефа скользнул по двум величайшим союзам бастионов — Солнечному Престолу и Серебряному Конклаву. Накануне их правители подписали торжественный договор о вечном мире, и теперь на главных площадях гремели празднества, славящие мудрость вождей. Однако луч истины, легко пробивший многометровые своды тайных бункеров, высветил совсем иную картину: в секретных шахтах уже раскручивались маховики орбитальных орудий, нацеленных в спину недавним союзникам. Обе стороны готовили вероломный ночной удар, мечтая захватить океанские копи единолично и стереть соперников в пепел.

Алеф наблюдал за этой суетой сверху, и в его бессмертном сознании не шевельнулось ни удивления, ни гнева — лишь привычное, ледяное отвращение. Он видел, как в золотых залах правители с улыбкой жмут друг другу руки, уже отдав приказ о начале бойни; видел, как в нижних трущобах голодные соплеменники предают друг друга за лишний глоток чистой воды; видел ложь, пропитавшую этот мир от верхних шпилей до самых недр.

Наступление ночи на Аурелии стало сигналом к предательству.

Едва огни праздничных фейерверков погасли над парящими шпилями, скрытые пусковые колодцы в горах и на дне океана с глухим гулом распахнулись. Десятки орбитальных излучателей, накопленных за века тайной гонки, нацелились друг в друга. В подземных штабах вожди Солнечного Престола и Серебряного Конклава с холодной, торжествующей усмешкой отдали приказ на залп — каждый был уверен, что опередил соперника на долю секунды.

Алеф видел, как в недрах орудийных башен закипает чудовищная энергия. Сила этого заряда была такова, что взаимный удар не просто стер бы с лица планеты оба враждующих союза — он расколол бы саму кору Аурелии, превратив живой мир в мертвое облако каменной пыли и нарушив хрупкое равновесие всего тридцать четвертого сектора.

Око не могло допустить гибели планеты.

Сфера в высокой пустоте пришла в движение. Внешние кольца из титана и метеоритного золота плавно сомкнулись, фокусируя волю Хранителя. Из хрустального зрачка ударил тонкий, ослепительно белый луч — не карающий меч разгневанного бога, а безжалостный инструмент ревизора.

Свет скользнул по поверхности планеты за одно неуловимое мгновение. Он бесшумно пронзил толщу горных пород, прошел сквозь энергощиты парящих бастионов и коснулся раскаленных ядер орбитальных орудий. Не было ни взрывов, ни грохота — лишь глухое, мертвое шипение. Вся накопленная мощь в шахтах мгновенно обратилась в серый, рассыпающийся пепел. Орудийные стволы спекались и оседали бесформенными грудами шлака, а в верхних городах разом погасли искусственные сады и системы жизнеобеспечения.

Внизу, в золотых залах, тут же поднялась слепая, животная паника. Правители в ужасе метались у погасших экранов, не понимая, какая неведомая сила разом лишила их власти и превратила величайшее оружие в прах.

Алеф смотрел на этот переполох сверху с прежним невозмутимым спокойствием. Он выполнил долг Хранителя: планета уцелела, её орбита осталась незыблемой, а угроза сектору была устранена. Но помогать самим ауритам, спасать их от надвигающегося голода или учить их милосердию Ревизор не собирался. Они сами выбрали свой путь. Оставив на скрижали сухую отметку о принудительном разоружении и угасании цивилизации, Сфера Ока медленно развернулась в пустоте и взяла курс дальше, в глубину сектора.

В сознании Первой Души закрепился привычный, неоспоримый вывод: смертные слепы, жадны и лживы от рождения до последнего вздоха. Им нельзя верить, и их бессмысленно жалеть.

С этой тяжелой, ледяной уверенностью Алеф приближался к следующей точке своего маршрута — к умирающей, затянутой медными тучами планете Уль-Даум.

Глава 2. Бесстрастный учет

В тот космический полдень траектория его обхода пересеклась с остывающей системой Уль-Даум — Старой Сушью.

Алеф завис на орбите, медленно вращая зубчатые кольца обшивки. Его взгляд пробил свинцовый занавес медных туч, опустившихся к самой земле, и зафиксировал пиковую точку тектонического излома. Планета умирала не от внезапного катаклизма, а от усталости собственных недр. На сопках клубился ядовитый желтый пар, Великие Норы рушились в каменное крошево, а могучие Глиняные Великаны ломались от сухости, застывая серыми истуканами вдоль мертвых дорог.

Скрижаль Судеб выдала однозначный вердикт: *«Мир обречен. Жизненный цикл равен нулю. Запустить процедуру архивации»*.

Алеф знал, что Древние Боги этой планеты погружены в глубокий сон и не проснутся без толчка извне. У Сферы Ока хватило бы мощи одним импульсом пробить корку их оцепенения и дать миру шанс. Но регламент этого не требовал. Умирающее население оставалось для Ревизора лишь строкой в отчете, которую пора закрыть.

Он уже собрался свернуть световой вектор, когда луч скользнул по острому шпилю Одинокой Скалы и зацепил странную аномалию.

Там, на краю бездонного Ущелья Сновидений, у подножия гранитных престолов спящих Богов, стояли двое крошечных существ — Орнат и Пряха. Их тела уже стремительно каменели, покрываясь матовой фарфоровой коркой, но они упрямо держали свой кровный обет. Пальцы Певца судорожно сжимали Костяную Иглу, вонзенную в собственную ладонь, а Пряха из последних сил тянула руки к небу, выплетая Великое Покрывало Рассвета.

Алеф смотрел на эту отчаянную жертву с высоты орбиты — и внутри него не дрогнула ни одна струна. Ни удивления, ни жалости, ни желания вмешаться. Только сухая констатация факта: два элемента тратят остатки энергии вопреки неизбежному финалу. Нерационально. Бессмысленно.

Следуя нерушимому порядку Равновесия, Око бесстрастно зафиксировало вспышку угасающей жизни, поставило печать аннулирования на весь мир и скользнуло дальше в пустоту космоса, оставив Уль-Даум умирать в тишине.

Тогда Алеф еще не знал, что его отчет уже лег перед взором Первородного. И что за эту безупречную, стылую правоту Первой Душе впервые за миллионы лет придется держать ответ.

Сфера Ока еще не успела покинуть пределы тридцать четвертого сектора, плавно набирая ход в безвоздушной пустоте, когда пространство перед ней дрогнуло и мягко разошлось, словно занавес из тончайшего серебристого шелка.

В беззвучной черноте вспыхнул ровный, теплый жемчужный свет. Это была Ума — Душа-Наставник, одна из немногих, кому дозволялось свободно пересекать границы миров и Чертогов. В отличие от колоссальной титановой громады Алефа, её бестелесный облик казался почти невесомым, похожим на тихое дыхание весеннего ветра, в котором сплелись воспоминания о тысячах прожитых ею земных жизней.

Сфера замедлила движение. Внешние кольца из метеоритного золота с тихим звоном замерли, и хрустальный зрачок Ока повернулся к гостье.

— Ты редко покидаешь пределы Чертога, Ума, — ровно прозвучала мыслеформа Алефа, не тронутая ни удивлением, ни радостью. — Что привело тебя на край сектора?

— Зов Великого, Альфа, — тихо отозвалась Наставница. В её голосе, лишенном металлических отзвуков Ока, звучала глубокая, усталая мягкость. — Первородный требует тебя пред своим взором. Немедленно. Оставь Сферу на орбите и поднимись в Высший Чертог Памяти.

Кольца артефакта чуть заметно качнулись — впервые за миллионы циклов в безупречном ритме Ревизора проскочила тень недоумения.

— Обход еще не завершен, — возразил Алеф. — У меня впереди тридцать две системы внешнего рукава. Отчеты по Аурелии и Уль-Дауму уже занесены в Скрижаль Судеб. В моих действиях не было ни единого отклонения от регламента. Зачем Создателю прерывать мою смену?

Ума приблизилась к самой кромке золотого каркаса. Её мягкое сияние отразилось в гладкой поверхности хрустального зрачка, словно свет далекой свечи в темном окне.

— Именно из-за этих отчетов, брат мой, — грустно произнесла она. — Великий видел всё, что произошло на обеих планетах. Ты спас Аурелию от взрыва, выжег их безумное оружие... и бросил миллионы живых существ умирать в руинах без единой искры надежды. А затем ты пришел на Уль-Даум.

— На Аурелии я удержал материальное равновесие сектора, — отчеканил Алеф. — Ауриты сами ковали свою гибель в гордыне и лжи. Я не обязан учить смертных разуму. А Уль-Даум и вовсе был мертв. Его цикл иссяк. Я сберег энергию Ока и закрыл безнадежную ведомость.

— Ты видел тех двоих на Одинокой Скале, — тихо напомнила Ума, вглядываясь в самую суть Первой Души. — Орнат и Пряха отдавали последнюю кровь, чтобы разбудить своих Богов. Они не лгали, Альфа. Они не воевали за власть, как ауриты. Они любили свой умирающий мир больше собственной жизни. Разве твой хрустальный луч не показал тебе этого?

— Показал, — без колебаний ответил Алеф. — И что с того? Их жертва не меняла расчетов. Двое слабых существ против остывающей планеты — это погрешность, не имеющая значения для вечности. Милосердие там, где нечего спасать, лишь продлевает агонию.

Наставница горько вздохнула, и в её жемчужном сиянии на миг промелькнула глубокая, почти материнская жалость к этому могущественному, но такому слепому в своем величии существу.

— Вот об этом и хочет говорить с тобой Создатель, — прошептала Ума. — Ты стал безупречным инструментом, Альфа. Твой взгляд пронзает камни и ложь, но ты перестал видеть главное — ради чего вообще зажигаются звезды и рождаются миры. Ты измеряешь жизнь весом металла и сроком распада, забывая, что одна секунда искренней любви смертного стоит дороже всех твоих скрижалей.

— Я не создан для чувств, Ума, — сухо отозвался Алеф. — Я Хранитель порядка.

— Порядок без сердца — это лишь мертвый лед, — мягко возразила Душа-Наставник, отступая назад в серебристую складку пространства. — Иди, Первенец. Не заставляй Первородного ждать. Боюсь, сегодня тебе предстоит узнать, какую цену приходится платить за право называться Вторым после Создателя.

Серебристое сияние растаяло в пустоте, оставив Сферу Ока в оглушительной, звенящей тишине космоса.

Алеф еще мгновение смотрел в ту точку, где только что парил свет Наставницы. Впервые за бесконечную череду веков его безупречная, выверенная до последней грани логика дала трещину. Он не понимал слов Умы, не видел за собой никакой вины — но странное, тревожное предчувствие уже скользнуло в самую сердцевину его сознания, заставляя золотые кольца Сферы замедлить свой вечный, размеренный бег.

Часть 2. Урок смертной плоти

Глава 1. Суд в Чертоге Памяти

Сфера Ока осталась висеть на орбите мертвого Уль-Даума — огромный, безжизненный футляр из титана и золота, внутри которого погас хрустальный зрачок. Сам же Алеф, повинуясь беззвучному зову, пронзившему ткань пространства, покинул свою механическую оболочку и вознесся туда, где начиналось само время.

Высший Чертог Памяти не имел ни стен, ни сводов, ни привычных для смертных очертаний. Это был бескрайний океан первозданного, тихого света, в котором парили миллиарды искр — бесчисленные души, ожидающие своего часа или вернувшиеся из долгих, мучительных странствий по обитаемым мирам. Каждая из этих искр хранила в себе тихий отзвук пережитых радостей, утрат и земных тревог, сливаясь в единое, мерное дыхание вечности.

Но среди этого мерцающего сонма Алеф отличался от каждого. Он явился сюда в своем истинном обличье — не как крошечный трепещущий огонек, а как величественный, ослепительный сгусток изначального пламени, в котором горела сама заря творения. Он был Альфой. Первым, кого Первородный выдохнул из пустоты, когда Вселенная еще не знала ни звезд, ни материи, ни времени.

Едва его сияние коснулось границ Чертога, мерный гул вечности стих. Мириады младших душ замерли, расступаясь живым коридором и склоняясь в безмолвном почтении. Для них он был не просто ревизором дальнего сектора — он был Старшим, Первенцем, Вторым после Создателя. Тем, кто стоял у истоков мироздания и помнил первый звук его голоса.

Но сам Алеф не чувствовал ни гордости, ни смущения. Он двигался к центру Чертога ровно и невозмутимо, не понимая, зачем прервали его обход. Отчет по тридцать четвертому сектору был закрыт безупречно, а порядок Равновесия остался незыблемым.

В самом сердце светового океана, там, где пространство сгущалось до нестерпимой, слепящей чистоты, его ждал Первородный. У Создателя не было человеческого лица или привычного облика — лишь бездонная, дышащая вечность, от присутствия которой содрогались сами основы бытия.

— Ты закрыл Уль-Даум, Альфа, — голос Творца прозвучал не снаружи, а внутри самой сути Первой Души, веский, как движение тектонических плит, и полный горькой тишины. — Ты поставил печать конца на целый мир и ушел, даже не обернувшись.

— Регламент выполнен, Создатель, — ровно отозвался Алеф. В его мыслеформе не дрогнуло ни тени сомнения. — Жизненный цикл планеты иссяк. Древние Боги погрузились в сон, недра истощены, а сопротивление двоих смертных на скале не меняло общего исхода. Я сберег энергию Сферы Ока и не нарушил равновесия.

— Равновесия? — в голосе Первородного прокатился глухой, рокочущий гнев, от которого по световому океану Чертога пошла широкая, тревожная рябь. — Ты путаешь равновесие с пустотой, мой первенец. Вспомни, зачем я сотворил тебя первым! Когда я выковал для тебя Око Первокода и вручил власть больше чем над тысячей миров, я ставил тебя Хранителем, а не могильщиком.

Алеф промолчал, впервые столкнувшись с тем, что не укладывалось в его безупречную логику. Он привык считать себя совершенным орудием закона, не знающим промаха.

— Я дал тебе зрение, пронзающее любую ложь, — продолжал Создатель, и его слова обрушивались на Первую Душу с неоспоримой тяжестью истины. — Я наделил тебя мощью, способной разбудить спящих богов Уль-Даума одним касанием луча. Те двое у подножия скалы отдавали последнюю кровь, держа обет до последнего удара сердца, чтобы выиграть для своего

мира хоть мгновение. Они верили, что их жертва не напрасна. А ты посмотрел на их агонию сверху, как на ошибку в расчетах, и вычеркнул их из бытия.

— Но ведь их гибель была предрешена, — возразил Алеф, пытаясь удержаться за привычную ясность чисел. — Смертные хрупки. Их век короток, они лживы и слабы, а страдания их бессмысленны перед лицом вечности. Зачем продлевать то, что всё равно обречено угаснуть?

В Чертоге наступила долгая, давящая пауза. Когда Первородный заговорил снова, в его голосе больше не было гнева — только глубокая, вселенская печаль.

— Вот в чем моя ошибка, Альфа. Я создал тебя совершенным, но забыл сделать живым. Все эти души вокруг тебя — те, кто склоняется перед твоим древним светом, — сотни раз спускались в смертную плоть. Они знали стужу, голод, страх одиночества и боль утраты. Поэтому, глядя на чужую беду, они умеют плакать. А ты смотрел на Вселенную с высоты своего величия и ни разу не спустился в грязь и пыль миров, которыми правишь. Твоя справедливость слепа, потому что ты не знаешь цены ни одной человеческой секунде.

— Что ты задумал, Создатель? — в бестрепетном сознании Алефа впервые шевельнулось нечто похожее на глухую тревогу.

— Власть без сострадания превращается в жестокость, — твердо произнес Первородный. — Ты не вернешься в Сферу Ока, пока не научишься видеть душой, а не хрусталем. Я лишаю тебя твоих глаз и памяти звезд, Альфа. Ты отправишься вниз, в один из самых суровых краев смертного мира. Ты проживешь чужую, трудную жизнь с первого крика до последнего вздоха — в слепоте, в нужде и в бессилии. И только когда ты сам узнаешь, как болит чужая потеря, ты снова получишь право решать, кому жить, а кому умирать.

Прежде чем Первая Душа успела ответить, световой океан Чертога разверзся под ним бездонной воронкой. Величественное, изначальное пламя Альфы, перед которым только что преклонялись миллиарды, начало стремительно сжиматься, скручиваться и уплотняться, словно его заталкивали в тесный, раскаленный свинцовый саркофаг. Ослепительное зрение вечности схлопнулось до кромешной темноты, оборвав все нити связи с Создателем.

И тут на него обрушилась Гравитация.

Глава 2. Плен земной плоти

Гравитация обрушилась на него внезапно, сбив дыхание еще до того, как появилось само тело.

Это было страшное, почти унизительное ощущение земной тяжести. Тот, кто еще мгновение назад парил в бескрайнем океане света и одним взглядом охватывал звездные скопления, вдруг оказался заперт в тесной, душной клетке из хрупких костей и незрелой плоти. Невесомая вечность сменилась свинцовым весом, сдавившим каждую частицу сущности.

Вокруг гудел непривычный, тесный мир. Осенний циклон третьи сутки отрезал прибрежный поселок от большой земли: грунтовые дороги размыло в непролазную топь, а санитарный вертолет из райцентра не мог пробиться сквозь низкую, свинцовую облачность. Анне пришлось рожать дома, под ровный, надрывный стрекот поселкового дизель-генератора, от которого под потолком то и дело мигала тусклая лампочка.

— Тужься, Анюта, милая, еще разок… Головка уже пошла, потерпи! — раздавался надрывно-бодрый, хрипловатый голос местной фельдшерицы Клавдии Петровны. От неё пахло карболкой, сушеными травами и крепким чаем, которым она отпаивала роженицу с самого вечера.

Вспышка резкого, обжигающего воздуха — и чьи-то уверенные, теплые руки подхватили скользкое, беспомощное тельце, легко шлепнув по спине. Легкие — капризный, несовершенный земной механизм, которого Алеф никогда прежде не знал — судорожно сжались, требуя кислорода. Он сделал свой первый вдох, и горло обожгло сырой, колючей прохладой.

Вместо мерной тишины Высшего Чертога Памяти в сознание бурным, неуправляемым потоком хлынул хаос незнакомых звуков: глухой стук дождя по шиферной крыше, заунывный свист ветра в щелях старых оконных рам, звон эмалированного таза и нарастающий рокот Океана где-то совсем рядом. Он попытался открыть глаза, чтобы привычно пронзить эту тьму лучом истины, но веки не слушались, оставаясь глухим, неподвижным заслоном.

Клавдия Петровна на миг замерла, поднеся младенца ближе к тусклому свету лампы, затем тихо ахнула и осторожно провела ладонью перед его лицом. Ребенок даже не моргнул — под приоткрытыми веками стыла ровная, непроглядная белизна.

— Господи ты боже мой… — выдохнула фельдшерица, торопливо пеленая кричащего младенца в байковую пеленку. — Миша, поди-ка сюда…

В комнату тяжело шагнул отец. От Михаила резко пахло соляркой, горькой солью и дешевым табаком. Половицы жалобно скрипнули под его резиновыми сапогами.

— Что там, Петровна? — глухо спросил он, замирая у порога. — Живой?

— Живой-то живой, крепкий парень, — тихо ответила женщина, опуская взгляд. — Только… не видит он, Миша. Совсем слепой родился. Бельма на обоих глазах. В город бы его, к профессорам, да разве по такой распутице выберешься…

В комнате повисла давящая, вязкая тишина, нарушаемая только треском дров в печи-голландке. С кровати донесся надрывный, дрожащий всхлип:

— Слепой… Господи, Миша, за что же нам такое…

Древнее сознание Алефа, с трудом пробиваясь сквозь мутную пелену младенческой беспомощности, мгновенно уловило внутренний облик матери: измученная, рано увядшая женщина с обветренными руками и плечами, навсегда сжатыми от привычного страха перед завтрашним днем. Анна потянулась к сыну, и Клавдия Петровна бережно уложила сверток ей на грудь. Мать прижала крошечный, озябший комок плоти к себе, согревая его собственным дыханием и пахнущими солью слезами.

— Не вой, Анька, — хрипло отозвался Михаил, подойдя к кровати и неловко, одним пальцем коснувшись щеки сына. — Выживет. На причале лишние глаза только мешают. Главное, чтоб руки крепкие были сети вязать. Рыба и в темноте клюет.

Когда фельдшерица ушла, наказав держать дом в тепле, Алефа — теперь его звали земным именем Алексей — уложили в старую деревянную кроватку, укрыв сверху толстым шерстяным одеялом.

Физические глаза ребенка были мертвы и преломляли лишь глухую ночь. Но в самой глубине этого беспомощного тела продолжала теплиться изначальная память Первой Души. Он не видел серого, промозглого моря, бьющегося о скалистый берег, но осязал его всем своим существом. Он вдыхал густой, пронзительный воздух этого сурового края — запах гниющих водорослей, йода и близкого шторма.

Впервые за миллионы лет у Второго после Создателя не осталось ничего, кроме собственного дыхания. Ни золотой Сферы Ока, ни власти над мирами, ни всевидящего луча. Только хрупкое, ноющее от стужи тело, которое могло погаснуть от одного сквозняка или случайной хвори.

«Неужели так живет всё, что я когда-то вычеркивал из ведомостей?»— медленно пронеслось в его затуманенном разуме, пока детский крик от голода разрывал тишину дома.

Странное это было зрелище для вечности: тот, кто привык судить целые цивилизации, теперь зависел от тепла чужих, натруженных женских рук и куска старой шерсти. В этом и заключалась тихая, беспощадная мудрость Первородного — чтобы научить богов понимать цену жизни, их нужно сначала сделать слабыми.

Ловушка времени захлопнулась. Великий Ревизор Вселенной начал свою долгую, земную смену, еще не зная, что именно в этой непроглядной темноте ему впервые предстоит научиться видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.